

СЕРГЕЙ ВОЛОГОДСКИЙ

ПОСЛЕ ВИТИ

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ГОРЕ
СТАЛО ТЕМ, ЧТО НАС ОБЪЕДИНИЛО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Вологодский

После Вити

«Автор»

2026

Вологодский С. Н.

После Вити / С. Н. Вологодский — «Автор», 2026

Аня была вынуждена взвалить на себя всю ответственность. Пока она сутками работает официанткой, её мать Елена медленно убивает себя алкоголем, а младший брат Витя растёт в страхе и одиночестве. Единственный, кто ещё держится, — это шестнадцатилетний Максим, но его бунт против нищеты и несправедливости уже привёл на скользкую дорогу. Однажды Витя пропадает. Соседи и полиция ищут мальчика, но надежды тают с каждым часом. А когда тело Вити находят в реке, семья разбивается окончательно. Эта история хроника падения одной семьи, где каждый пытается выжить, но теряет себя. Сможет ли Аня вытащить из пропасти брата и мать? Найдёт ли Максим силы остановиться? И есть ли выход, когда всё, что держало вас на плаву, уже утонуло? Суровая, без прикрас, но пронзительно честная книга о том, как бедность, равнодушие и непрощённые ошибки превращают жизнь в борьбу за выживание — и о том, можно ли выжить, когда теряешь самого близкого человека. Иллюстрация создана в GPT

© Вологодский С. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Вологодский

После Вити

Глава 1

Аня вышла из автобуса в девятом часу утра, когда город уже был на ногах. Люди спешили к остановкам, кутаясь в лёгкие куртки от неожиданного холода, шумели во дворах прогреваемые машины, где-то дальше по улице дворник размеренно шаркал метлой по мокрому асфальту — ночью прошёл дождь, и воздух был сырой, зябкий, совсем не летний. Ночная смена вымотала её так, что ноги гудели, а глаза слезились не то от недосыпа, не то от холодного ветра, бившего в лицо. Она несла пакет с хлебом, который купила у ночного ларька по дороге, и пальцы уже начали зябнуть — осень выдалась на редкость холодная, и по утрам приходилось надевать куртку.

Двор был пустой в этот час — только у качелей курила незнакомая женщина, кутаясь в кофту, да у соседнего подъезда кто-то долго не мог завести машину, и стартер надрывно скрежетал в сыром воздухе. Аня поднялась по мокрым от ночного дождя ступенькам к подъезду, толкнула тяжёлую дверь плечом, потому что руки были заняты, и вошла в полутёмный подъезд.

На лестничной площадке между вторым и третьим этажом она столкнулась с Максимом.

Он спускался быстро, почти бегом, в куртке, накинутой на одно плечо так, что второй рукав волочился по перилам, с одним наушником в ухе — второй болтался на проводе где-то у груди. Увидев сестру, парень не остановился, только чуть сбавил темп, будто прикидывая на ходу, можно ли проскочить мимо неё без разговора.

— Ты куда в такую рань? — спросила Аня, останавливаясь на ступеньке ниже него и невольно перегораживая ему часть прохода.

— Гулять, — бросил брат, не глядя на неё, и попытался пройти боком, вжавшись в перила.

Аня подняла руку — останавливая жестом.

— Постой. В школу через час. Куда ты?

— Я же сказал — гулять. — Он наконец посмотрел на неё. — Тебе не всё равно?

— Не всё равно, — ответила сестра. — Максим, ты пообещал, что с выпускными экзаменами у тебя не будет проблем. Только мне кажется, что они у тебя скоро появятся. Ты на этой неделе в школе ещё ни разу не был.

Он усмехнулся, коротко, одними губами, и в этой усмешке не было ни капли веселья.

— Не твоё дело. Я взрослый и сам могу решить все свои проблемы.

— Тебе шестнадцать, — сказала Аня. — Ты должен получить образование, а потом бегать куда захочешь.

— Вот именно. — Он резким движением поправил куртку на плече, и Аня заметила, что костяшки на его правой руке слегка сбиты, свежая ссадина. — Я сам разберусь, куда мне идти и когда. Кому сейчас нужно это образование? Я всё равно после школы поступать никуда не буду.

— Ты закончишь школу и поступишь в колледж.

— Нет. Я сам буду решать, что мне делать. — Он шагнул мимо неё, почти впритык, и сестра почувствовала запах табака от его куртки. — Ты мне не мать!

Она хотела возразить, но знала, что это ни к чему хорошему уже не приведёт. Парень только сильнее будет стоять на своём. Сейчас не стоит его трогать.

— Максим...

Но брат уже обошёл её по краю ступеньки и застучал кроссовками вниз, через две ступеньки подряд, а потом глухо хлопнула дверь подъезда.

Аня постояла ещё немного на площадке, глядя на пролёт лестницы, будто ожидая, что он передумает и вернётся. Потом медленно поднялась к себе на этаж.

В квартире пахло тем запахом, который появляется, когда никто давно не убирал настоящего: пылью, чем-то кислым из кухни, сигаретным дымом, въевшимся в обои. На полу в коридоре стояли Витины ботинки, повернутые носками друг к другу, будто он их сбросил второпях. Она перешагнула через них, поставила пакет с хлебом на стол на кухне и только тогда позволила себе снять куртку.

Витя сидел на кухне у окна, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Он просто сидел в сером утреннем свете, льющемся сквозь тюль, и смотрел на улицу, где во дворе, несмотря на холод, всё равно гоняли мяч соседские мальчишки постарше, в куртках, накинутых прямо поверх футболок.

— Ты чего ещё не собрался в школу? — спросила Аня, снимая куртку и приглаживая волосы.

— Я же на больничном, — ответил Витя с детской обидой в голосе, с какой говорят, когда взрослые забывают очевидное. — Ты забыла?

— Ой, забыла, — призналась сестра. — Из головы совсем вылетело. Тогда почему не спишь?

— Не знаю, проснулся, — сказал Витя. — Мне страшно. Максим ушел, ты ещё не пришла. Бабушка пьяная спит.

— Ну теперь-то я дома, ты можешь идти спать дальше.

— Уже неохота.

— Тогда давай заниматься по дому.

Витя ничего не ответил, только чуть крепче обхватил колени руками и подвинулся ближе к стеклу.

— Макс был злой. На что он разозлился? — тихо спросил Витя, всё ещё глядя в окно.

— С чего ты это взял? Он был не злой, а просто торопился.

Витя кивнул, но она видела краем глаза, что брат не поверил.

— Ясно.

Аня подошла к плите и достала новую пачку крупы, отмерила на глаз, налила воды в кастрюльку и зажгла конфорку. Когда каша была готова, девушка поставила тарелку перед ним, положила ложку.

— Но сначала покушай.

Он ел медленно, глядя не в тарелку, а куда-то мимо неё, в стену, и почти не разговаривал, только один раз спросил, будет ли хлеб, и она отрезала ему кусок. Аня села напротив, положила руки на клеёнку и просто смотрела, как он ест.

Закончив кормить младшего брата, Аня отправилась в кровать, задёрнула шторы — за окном, несмотря на утро, всё равно было пасмурно и сыро, — легла поверх одеяла и закрыла глаза. Проснулась она от того, что где-то в квартире хлопнула дверь и разнеслось дребезжание стекла.

Это проснулась мама. Она стояла в дверях кухни в старом халате, наспех запахнутом, волосы были не расчёсаны и слиплись на затылке, лицо бледное, опухшее, с мешками под глазами. Руки мелко дрожали — женщина пыталась удержать сигарету между пальцами, но те не слушались, и пепел сыпался на пол. Её слегка качнуло, когда она перешагивала порог кухни, и ухватилась за косяк, чтобы удержать равновесие.

— Ань, — хрипло произнесла она, — дай немного. Опохмелиться надо, а то помру.

Голос у неё срывался и подрагивал. Женщина сглотнула несколько раз подряд, будто её вот-вот стошнит, и на секунду прикрыла глаза, прижав свободную руку к виску.

— Мам, завязывай пить. Ты уже месяц бухаешь. Ну помрёшь ведь.

— Не учи меня жить. Если помру — похороните. Так ты денег дашь?

— Нам ещё нужно за квартиру платить, счета пришли. У меня зарплаты только хватает на жратву и твои бутылки. Ты хотя бы курить бросила. Деньги на ветер улетают.

— Дашь денег?

Аня достала из сумки пятьсот рублей и протянула матери. Елена схватила деньги дрожащей рукой, буркнула что-то похожее на «спасибо» и уже через пять минут, ступая заметно твёрже, одевалась в коридоре. А ещё через несколько минут захлопнула за собой дверь.

Витя всё это время сидел на том же месте, будто и не вставал оттуда весь день, хотя Аня знала, выйдя из спальни, что он всё-таки поднимался, включал ненадолго телевизор в комнате. Сейчас он опять смотрел в окно, на улицу, где начинало темнеть, на редкие фигуры прохожих, торопливо идущих домой с работы, кутаясь в куртки, как будто на дворе стоял не летний вечер, а глубокая осень.

Аня подошла, встала рядом, положила руку ему на плечо. Он не отстранился, но и не обернулся — так и сидел, глядя на дорогу, будто ждал, что вот сейчас, с минуты на минуту, из-за угла дома появится знакомая фигура в куртке.

— Макс скоро придёт, — сказала Аня, хотя сама в это не очень верила.

Витя лишь кивнул в ответ. Он смотрел на дорогу и молчал. Сестра отошла к плите, включила чайник, хотя пить не хотела, — просто хотела, чтобы руки были чем-то заняты.

Глава 2

Елена вернулась из магазина почти через час. В руках у неё был пакет, из которого торчало горлышко бутылки. Женщина прошла мимо кухни в комнату, бросила пакет на стол, и через несколько минут вернулась уже со стаканом, села напротив Ани, которая в это время резала лук для ужина.

Аня искоса взглянула на бутылку, но ничего не сказала — знала, что бесполезно.

Елена налила себе, сделала глоток, поморщилась и подпёрла голову рукой, локоть съезжал по клеёнке, и она то и дело поправляла его.

— А жрать в доме нечего, — протянула она, глядя, как Аня режет лук. — Ты вообще заглядываешь в холодильник?

Аня отложила нож, вытерла руки о полотенце.

— Смотрю, мам. Как раз ужин готовлю.

— Оно и видно. — Елена постучала пальцем по столу, будто подчёркивая слова. — Ребёнок голодный целыми днями сидит на пустом хлебе, а тебе хоть бы что. Ходишь, ходишь на свою работу, а толку нет. Где деньги, Аня?

— Мам, перестань. Витя уже поел, — ответила дочь, открывая холодильник и оглядывая пустые полки — там действительно почти ничего не было, кроме половины буханки хлеба и банки с остатками каши. — Утром сварила, а сейчас вот ужин готовлю, ты же видишь.

— Утром. — Елена фыркнула, отпила из стакана ещё раз. — А нормально когда поедим по-человечески? Опять с хлебом да с кашей сидеть будем? Сходила бы купила чего-нибудь вкусное.

Аня резко захлопнула дверцу холодильника, гулко стукнуло стекло внутри.

— А ты бы не пила, а работала, — сказала она, поворачиваясь к матери, — может, и жили бы нормально. Ты только что деньги у меня взяла, а половину сразу же на бутылку спустила. Я одна тут всё тащу, а ты сидишь и наливаешь себе.

— Ты как со мной разговариваешь? — Елена выпрямилась на стуле, стакан звякнул о столешницу, когда она его резко поставила. — Я тебя растила! Воспитывала! Содержала! Теперь твоя очередь этим заниматься!

— Растила. — Аня коротко и зло усмехнулась. — Ага. Теперь я тебя ращу.

Елена открыла было рот, чтобы ответить, но передумала, махнула рукой и снова взялась за стакан, отвернувшись к окну, за которым уже начинало темнеть. Аня постояла ещё секунду, глядя на её сгорбленную спину, потом молча вернулась к разделочной доске.

Максим пришёл поздно, когда за окном уже давно стемнело и Витя спал, свернувшись калачиком под одеялом в своей комнате, уткнувшись носом в подушку. В квартире было тихо — только тикали часы на кухне да изредка поскрипывал холодильник.

Аня услышала, как в замке проворачивается ключ, и не сразу поднялась с дивана, где сидела с чашкой остывшего чая. Шаги в коридоре были медленные, будто он старался тихо пройти по квартире. Хлопнула дверца шкафа — он повесил куртку. Потом шаги двинулись в сторону его комнаты.

Аня встала, подошла к двери комнаты и остановилась на пороге. Максим не включил свет — прошёл в темноте к кровати на ощупь, сел на край, стянул с себя кроссовки, бросив их куда-то в сторону.

— Максим, — тихо позвала Аня, стоя в дверном проёме. — Где был весь день? — спросила она, скрестив руки на груди, прислонившись плечом к косяку.

— Гулял, — коротко бросил брат, стягивая через голову толстовку.

Аня не стала настаивать — знала по утреннему разговору на лестнице, что толку не будет, только разругаются. Девушка молча смотрела, как он садится обратно на кровать, и тут, когда его рука на секунду попала в полосу тусклого света из коридора, она заметила костяшки.

— Что у тебя с рукой? — спросила сестра.

— Чё-чё, ударился, — ответил Максим, быстро убирая руку под одеяло.

— Обо что?

— Аня, — он наконец поднял на неё глаза, — я буду спать.

— Максим, тебе учиться надо, — сказала она, не двигаясь с места. — Ещё только первая четверть, а ты её уже заваливаешь. Ну доучись ты год.

Он тяжело выдохнул, лёг на кровать поверх одеяла, закинул руку за голову.

— Не надо мне это образование, — сказал он в потолок. — И без него проживу. Найду, как заработать.

— Как это найдёшь? — Аня шагнула в комнату на пару шагов. — Без образования тебя даже дворником толком не возьмут, не то что на нормальную работу.

— Ты без образования, — сказал он, поворачивая к ней голову, — и живёшь как-то.

Аня замерла на секунду, будто её ударили в грудь этой фразой.

— Вот именно, что как-то, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал тихо. — Живу как-то. На двух работах вкалываю, чтобы вас всех прокормить, и радости в этом никакой. Ты этого хочешь для себя? Всю жизнь на ногах, копейки считать?

— А чем это лучше, если я в школу буду ходить? — Он резко сел на кровати, упёрся руками в матрас по бокам. — Ты тоже школу закончила, и что? Такая же нищета.

— Потому и не могу найти хорошую работу, что образования нет! — Аня повысила голос, но тут же спохватилась, покосившись в сторону коридора, где спал Витя. — Ты понимаешь, о чём я говорю? У меня девять классов и всё. Меня никуда, кроме уборщицы и официантки, не берут. А ты хочешь так же прожить всю жизнь?

— Я не буду так жить, — сказал Максим, глядя на неё исподлобья. — Я по-другому заработаю. Мне не нужна твоя школа, твои экзамены.

— Как это — по-другому? — Аня прищурилась, вглядываясь в его лицо в темноте. — Максим, что значит «по-другому»?

Он отвёл взгляд, снова лёг, отвернулся к стене.

— Ничего не значит. Просто найду.

— Максим...

— Всё, я спать хочу, — повторил он, натягивая одеяло на плечо.

Аня постояла ещё немного в дверях, глядя на его спину, на то, как он подтянул колени к груди почти так же, как это делал Витя. Она хотела сказать что-то ещё, но слова не находились, а те, что находились, казались бесполезными, будто она уже произносила их сто раз и они больше ничего не значили.

Сестра тихо прикрыла дверь, оставив щель, как всегда оставляла — на случай, если кто-то из братьев позовёт ночью. И пошла по тёмному коридору обратно на кухню, где на столе всё ещё стояла початая бутылка Елены и пустой стакан рядом с ней.

Глава 3

Аня разбудила Максима рано, ещё до того, как за окном по-настоящему рассвело — небо только начинало сереть сквозь плотные тучи, обещая очередной холодный, неласковый день. Она постучала костяшками по дверному косяку, потом толкнула дверь и подошла к кровати.

— Макс, вставай.

— Что? — промычал он в подушку, отвернулся, но сестра не отступила — тронула его за плечо, потрясла.

— Мне на работу через час, вставай давай.

Максим со стоном сел на кровати, потёр лицо ладонями, взъерошил волосы.

— Чего будишь? — пробурчал брат. — Ещё рано же.

— Мне на смену через час, а Витя один остаётся. — Аня уже стояла у двери, застёгивая пуговицы на кофте. — Присмотришь за ним сегодня.

— Опять? — Он поднял на неё недовольный взгляд, но уже без вчерашней злости. — Я вроде вчера ясно сказал, что у меня свои дела.

— Максим, я прошу тебя. Я на весь день ухожу в кафе, буду до позднего вечера. Мать спит, а Витя один сидеть боится.

— Ну ладно, ладно. — Он махнул рукой, снова лёг, но глаза уже не закрывал, смотрел в потолок. — Пригляжу.

Аня ещё постояла секунду в дверях, будто хотела удостовериться, что он не передумает, потом кивнула сама себе и вышла в коридор. Через несколько минут хлопнула входная дверь.

День тянулся медленно. Максим то включал телевизор, то снова выключал, слонялся по квартире, дважды выходил на балкон покурить, хотя Аня строго-настрого запрещала это делать дома. Витя весь день крутился где-то поблизости — то на кухне, то в его комнате, то просто садился в коридоре на пол и играл там сам с собой, время от времени поглядывая на брата, будто проверяя, не собирается ли тот куда-нибудь исчезнуть.

Елена почти не выходила из своей комнаты — там было тихо, только изредка скрипела кровать, когда она ворочалась.

Когда за окном наступил полдень и тучи чуть разошлись, у Максима зазвонил телефон. Он вышел с ним на кухню, разговаривал коротко, вполголоса, кидая односложные ответы, а закончив разговор, сразу начал собираться — натянул кроссовки, схватил куртку с крючка.

Витя, увидев это, тут же вышел из своей комнаты и встал у него на пути, в дверном проёме.

— Ты куда?

— Дела, — коротко бросил Максим, завязывая шнурок.

— Возьми меня с собой, — попросил Витя. — Пожалуйста.

— Нет. — Максим выпрямился, посмотрел на него сверху вниз. — Куда я тебя возьму? У меня свои дела. Они не для маленьких.

— Но я боюсь оставаться один, — ответил дрожащим голосом Витя. — А если мама опять своих друзей приведёт? Они орать будут, как в прошлый раз, я не хочу один.

Максим на секунду замер, будто эти слова всё-таки задели что-то внутри, но потом мотнул головой и потянулся к дверной ручке.

— Всё будет хорошо. Поверь мне. Аня велела мне за тобой смотреть, а не таскать тебя с собой везде. Поэтому сиди дома, телевизор посмотри. А если она приведёт в гости собутыльников, то позвони мне, и я прибегу.

— Максим...

— Всё, я пошёл. — Он открыл дверь, шагнул через порог и быстро начал спускаться по лестнице.

Витя остался стоять на месте, у самого входа, глядя на закрытую дверь так, будто ждал, что она вот-вот снова откроется и брат передумает. Он простоял так минут десять, не двигаясь, только один раз шмыгнул носом и вытер лицо рукавом.

Потом развернулся и пошёл на кухню.

Там Витя достал из хлебницы то, что осталось от вчерашней буханки, отрезал два неровных куса, размазал по ним масло, сложил куски вместе и завернул в целлофановый пакет, который нашёл в ящике под раковиной. Пакет он сунул в карман куртки.

Взял куртку с вешалки, надел её и застегнул на все пуговицы, хотя на улице было не так уж и холодно. Затем он вышел из квартиры, осторожно прикрыв за собой дверь, чтобы не потревожить мать.

На улице ветер тянул с реки прохладу, гнал по асфальту опавшие листья. Витя шёл знакомой дорогой, которой иногда ходил с Максимом, когда брат был в настроении и брал его с собой хотя бы до моста.

Река показалась издалека — серая, тяжёлая, чуть подёрнутая рябью от ветра. Берег здесь был обрывистый в одном месте и пологий в другом, заросший кустарником и старыми ивами, которые клонились почти к самой воде.

Витя знал место, где обычно собиралась компания Максима, — чуть дальше, у поваленного дерева, где можно было сидеть и жечь костёр, если повезёт с сухими дровами. Он шёл туда, придерживаясь тропинки, поглядывая по сторонам, ожидая услышать голоса, увидеть знакомую куртку.

Но у поваленного дерева никого не было. Кострище оставалось старым, потухшим, заваленным обрывками бумаги. Никаких голосов, никакого смеха — только шум ветра в кронах да плеск воды у берега.

Витя постоял немного, растерянно оглядываясь, потом пошёл дальше вдоль берега, сам не зная, куда именно идёт и чего ищет — то ли брата, то ли просто повод не возвращаться домой прямо сейчас.

Тропинка вилась вдоль реки, то приближаясь к самому краю обрыва, то снова уходя в кусты. Земля под ногами была мокрой и скользкой.

Витя шёл, засунув руки в карманы куртки, наступая то на камни, то на мягкую, чавкающую под ботинками землю, и не заметил, как тропинка сузилась, прижимаясь к самому обрыву, откуда открывался вид на тёмную, быстро текущую воду.

Глава 4

Максим вернулся домой уже затемно. Он поднимался по лестнице устало, засунув руки в карманы, думая о том, как бы поскорее лечь спать, чтобы не слышать никаких вопросов.

В квартире было шумно — ещё с порога он услышал звон посуды и чужой мужской голос из тесной кухни. Максим стянул кроссовки, прошёл по коридору и остановился в дверях кухни.

За столом сидела Елена, перед ней стояла початая бутылка водки, а рядом — незнакомый мужик, лет пятидесяти, небритый, в растянутой майке, развалившийся на стуле так, будто это была его собственная кухня.

— О, сынок пришёл, — протянул мужик, оскалившись в улыбке.

Максим не ответил ему, обвёл кухню взглядом.

— Ты Витю покормила? — рассматривая посуду в раковине, поинтересовался Максим.

— Какого Витю? — поднял брови мужик. — Я Петя! Ленка, что ещё за Витя?

— Слыш, дядя Петя, закрой свой рот! — отрезал сын и вышел в коридор.

— Чё ты сказал, сосунок? — попытался встать мужик, но тут же шлёпнулся на стул.

Максим проверил вешалки и понял, что Витиных вещей там нет.

— Мам, где Витя? — спросил он, вернувшись на кухню.

Елена подняла на него мутные глаза, покачнувшись на стуле, попыталась что-то сказать, но вместо слов у неё вышло только невнятное мычание, она махнула рукой куда-то в сторону коридора.

— Эээ, бля, — протянул гость.

— Мам! — Максим повысил голос, схватил её за плечо и потряс. — Где Витя, я спрашиваю! Куда он ушёл?

— Нгы... — Елена мотнула головой, язык у неё еле ворочался, взгляд плыл в сторону. — Дома он... где ж ему быть...

— Дома его нет! — крикнул Максим, оглядываясь на пустую комнату Вити, дверь которой была приоткрыта. — Ты вообще смотрела за ним сегодня или только бухала всё?

— Ты чё на мать орёшь? — Мужик наконец поднялся со стула, покачнувшись, но устоял, шагнул к Максиму, нависая над ним всей своей грузной фигурой. — Ты как разговариваешь, падлец?

— Хрен ли ты встал, Петя? — Максим развернулся к нему и сжал кулаки. — Иди отсюда, пока не получил.

— Чего? — Мужик хмыкнул, будто эта угроза его позабавила, и толкнул Максима в грудь ладонью, тот отшатнулся к косяку. — Сопляк, я тебе сейчас покажу, как на взрослых голос подымать.

Дальше всё случилось быстро. Максим бросился на него, врезал кулаком в скулу. Мужик охнул, схватился за стол, посуда со звоном полетела на пол. Они сцепились посреди кухни, опрокинули стул, Елена вскрикнула что-то невнятное и вжалась в угол, закрывая голову руками.

Максим был меньше и легче, поэтому быстро двигался и бил не разбирая, куда попадает, а мужик только отмахивался, пытаясь удержать равновесие. В какой-то момент он всё-таки повалился на пол, зацепив по пути угол стола. Максим в этот момент подлетел и нанёс ещё несколько ударов в лицо, потом схватил гостя за шиворот и потащил к выходу.

— Пошёл вон отсюда, скотина, — прохрипел он, толкая мужика в спину, — и больше не приходи сюда, понял? Иначе так просто не отделаешься.

Мужик, ругаясь и спотыкаясь, пытался схватиться за мебель, но Максим всё же смог его вытолкать на лестничную площадку. Гость озадаченно смотрел вокруг, пытаясь осознать, что

же случилось. В этот момент Максим резко толкнул его, и мужчина чуть не полетел вниз по лестнице.

— Эээ, — пробубнил мужик.

— Ещё раз увижу тебя — с лестницы спущу! — крикнул Максим ему вслед и захлопнул дверь.

Он постоял в коридоре, тяжело дыша, потирая костяшки, потом вернулся на кухню. Елена сидела на полу в углу, куда сползла во время драки, всхлипывала, бормотала что-то бессвязное. Максим не стал её поднимать — прошёл мимо, к Витиной комнате, включил там свет.

Кровать была заправлена. Ранец стоял на стуле, куртки на крючке не было.

— Витя! — крикнул он в пустую квартиру. Прошёл по всем комнатам, заглянул даже в ванную, хотя понимал бессмысленность этого всего. Потом достал телефон и трясущимися пальцами набрал номер сестры.

— Аллю! — раздался усталый голос Ани.

— Аня, — сказал он дрогнувшим голосом, — приезжай домой. Срочно. Витя куда-то ушёл.

Через час Аня забежала в квартиру. Весь свой путь домой она постоянно звонила брату и спрашивала про Витю. Девушка хлопнула дверью и пробежала на кухню, где её ждал Максим. На сестре был наряд официантки, она так торопилась, что не успела даже переодеться.

— Он ещё не появился? — спросила она, разглядывая бардак в комнате. — Ты у соседей спрашивал? Как ты мог его отпустить?

— Я до обеда был дома, а потом мне позвонили и я отошёл ненадолго, — быстро заговорил Максим, отводя глаза. — А когда вернулся, его уже не было. Квартиру осмотрел, по соседям не ходил. Но он никогда к ним не ходил. У него и друзей-то нет.

— Ясно. Ты ушел ненадолго — это насколько? — спросила Аня, смотря в окно. — Максим, сколько тебя не было? Когда он пропал?

— Не знаю, несколько часов, — пробормотал он, опустив взгляд.

Они вместе ещё раз обошли всю квартиру. Потом вышли на лестничную клетку, стали обходить соседей — спрашивать, не видел ли кто Витю. Соседка с четвёртого этажа вспомнила, что видела его днём во дворе, но куда пошёл он, она не знала.

Двор тоже был пуст — Аня с Максимом обошли его дважды, заглянули за гаражи, на детскую площадку, но нигде не было ни следа. Куда ещё идти они не знали. Вернувшись домой, Аня дрожащими руками достала телефон и набрала номер полиции.

— Здравствуйте, — сказала она, стараясь говорить чётко, хотя голос всё равно срывался, — у меня пропал брат, девять лет, ушёл из дома днём и до сих пор не вернулся...

Она продиктовала адрес, приметы Вити, во что он был одет, ответила на несколько вопросов дежурного. На том конце сказали, что примут заявление и начнут искать. Также дежурный добавил, что чаще всего дети находятся сами в течение нескольких часов и если он появится непременно, сообщить.

Аня положила трубку и опустилась на стул у кухонного стола, где всё ещё стояла неубранная после драки посуда, разлитая водка прозрачным пятном растеклась по клеёнке. Она обхватила голову руками.

— Максим, — сказала она тихо, не поднимая глаз, — я всего лишь попросила тебя посидеть с ним дома. Почему ты оставил его? Что такого важного у тебя было, что ты забил на семью?

Максим стоял у окна, глядя во двор, где уже совсем стемнело.

— Мне надо было уйти, — глухо сказал он. — Я попросил его никуда не уходить. Я не знал, что так надолго уйду.

Он не сказал ей, что Витя стоял у двери и просил взять его с собой. Не сказал, что тот боялся оставаться один, что говорил про мамкиных собутыльников, про то, что будут орать.

Слова застряли где-то в горле, и он просто стоял, глядя в тёмное окно, где вдалеке проезжали редкие машины, освещая фарами мокрый асфальт. Потом достал из кармана двенадцать тысяч рублей и положил на стол.

— Что это? — Аня подняла на него взгляд.

— Деньги, — пробубнил он. — Я заработал.

— Убери их! — скомандовала сестра, смахивая слезы.

Елена вышла из комнаты, посмотрела на детей, взяла бутылку, взболтала содержимое и быстро выпила его. Затем она снова взглянула на Аню, махнула рукой и вернулась в комнату.

Глава 5

Опер приехал минут через двадцать после звонка. Представился дежурным по району лейтенантом Егором Коромысловым. Это был молодой парень, лет тридцати, в потёртой куртке поверх рубашки, с усталыми, но цепкими глазами. Он вошёл в квартиру, быстро окинул её взглядом, отметил про себя беспорядок, разлитую водку на столе, но ничего не сказал по этому поводу, сразу перешёл к делу.

— Рассказывайте, — сказал он, доставая блокнот. — Кто дома был, когда видели последний раз, во что был одет, куда мог пойти.

Отвечал в основном Максим. Он рассказал, что утром Аня попросила его присмотреть за братом, что днём ему позвонили и он отошёл на пару часов, а когда вернулся, Вити уже не было. На мальчике была синяя куртка, тёмные штаны, кроссовки. Худой, светловолосый, девять лет.

— Он к реке любит ходить, — добавила Аня. — Там, где Максим с компанией собирается. Может, туда пошёл.

Егор кивнул, записал, повернулся снова к Максиму.

— Покажешь мне потом, где вы там собираетесь? — спросил он. — Конкретное место, мы оттуда и начнём поиски.

Максим помедлил, посмотрел в сторону, потом коротко кивнул.

— Ещё вот, — Аня принесла фотографию младшего брата и протянула лейтенанту. — Ей правда год, но Витя не изменился.

— Хорошо, — сказал Егор, разглядывая фотографию. — Объявляем розыск. Сориентируем патрули, обзвоним больницы, приёмники. А вас я попрошу обзвонить всех знакомых и друзей его. Узнайте, может он где-то у них прячется. Обстановка, смотрю у вас неблагополучная.

— Мы уже.

— Что уже? — не понял Коромыслов.

— Обзвонили всех. Ни у кого его нет.

Лейтенант вышел на лестничную площадку и постучался в соседнюю дверь. Дверь открыла женщина лет сорока, всплеснула руками, запричитала, узнав, что случилось, и уже через несколько минут новость каким-то образом облетела весь подъезд сама по себе — двери начали открываться одна за другой, люди выходили на лестницу, расспрашивали друг друга, кто-то уже звонил знакомым.

Егор тем временем опрашивал жильцов по очереди — коротко, по делу: видел ли кто мальчика, во сколько, в какую сторону тот шёл.

— Я днём видела, — сказала соседка со второго этажа, кутаясь в кофту. — Он шёл в сторону магазина. А что вы удивляетесь — у них там мать пьёт беспробудно, кто за ребёнком следит-то. Анька с утра до ночи на работе, а этот, — она кивнула в сторону квартиры, где остался Максим, — сам ещё пацан, только по улицам шатается со своей компанией. Витя весь день сам по себе и был, поди. Старший у них ещё тот хулиган, говорят, банду сколотили как в фильме и ходят, беспредельничают.

— Да ладно тебе, — вмешалась другая женщина, что жила этажом выше. — Аня-то как раз молодец, всё на себе тащит, одна семью кормит, разве ж её вина, что мать такая. Я сколько раз видела — она-то с работы, то в магазин, то с мальчишками возится. Дай бог каждой такую дочь.

— Оно и видно, чем кормит, — снова встряла первая, — раз ребёнок неизвестно где ходит. Поди на трассе собой торгует, ты только посмотри, как одевается.

— А что? Нормально она одевается. Мужиков не водит, а вот твоя Зинка вечно по подъездам ползает с мужиками.

— Тебе откуда знать? Ты свечку не держала.

— Свечку не держала, но видела, как она в подвал с двумя мужиками заходила.

Егор не стал вмешиваться в этот спор, просто записал то, что касалось дела, и двинулся дальше, к следующей квартире, оставив женщин разбираться между собой.

Пока он опрашивал жильцов, соседи без всяких просьб начали собираться группами, кто-то принёс фонарик, кто-то предложил обойти ближайший парк, кто-то пошёл к остановке расспрашивать людей. Аня стояла у подъезда, растерянно наблюдая, как совершенно чужие, в сущности, люди расходятся в разные стороны, чтобы искать её брата, и не могла даже вымолвить слова благодарности — только кивала каждому, кто проходил мимо.

Егор с напарником опросили продавщицу в киоске неподалёку от дома — та вспомнила, что видела днём мальчика в синей куртке, но не была уверена, в какую сторону он шёл.

За окнами уже начинало темнеть, но Егор не стал откладывать до утра.

— Патрули прочешут дворы, остановки, ближайшие магазины ночью, это их работа, — сказал он, оглядывая осунувшиеся лица Ани и Максима. — А мы прямо сейчас идём к реке, пока хоть немного видно. Каждый час на счету. Показывай дорогу.

Аня, Максим, Егор и его коллега отправились в путь, включив на всякий случай фонарики, которые лейтенант достал из машины. Дорога к реке, растянувшаяся на двадцать минут, проходила в тишине сгущающихся сумерек. Максим шёл впереди, указывая дорогу, но его настроение становилось всё более мрачным. Аня заметила, что брат то и дело сжимает и разжимает кулаки, а один раз резко остановился, будто на что-то наткнулся взглядом, но потом снова пошёл дальше, ничего не сказав.

— Он не должен был туда идти, — вдруг сказал Максим, останавливаясь у самого края тропинки, глядя на воду, тускло отсвечивающую последними отблесками уходящего дня.

— Куда — туда? — Аня подошла к нему, тронула за рукав. — Максим, о чём ты?

Он не ответил, только помотал головой, отвернулся, и Аня впервые за всё это время увидела на его лице что-то похожее на настоящий страх. Егор, услышавший эти слова, подошёл ближе, встал так, чтобы видеть лицо Максима, включил фонарик, но направил луч не в лицо, а немного в сторону.

— Максим, расскажи мне подробно, как прошёл день, — сказал он спокойно. — С самого утра. Ты был с братом?

— Утром был, — сказал Максим, глядя куда-то в сторону, не в глаза оперу. — Аня меня попросила присмотреть за ним, пока сама на смену уходила.

— А потом?

— А потом мне позвонили, я ушёл. — Он говорил быстро, будто хотел поскорее избавиться от этих слов. — На пару часов, может больше.

— Куда ушёл?

— К друзьям. Тут недалеко, у гаражей.

— Витя знал, куда ты идёшь?

Наступило короткое, но осязаемое молчание. Максим пристально смотрел на воду, и Аня заметила, как его подбородок вздрогнул.

— Нет, — сказал он наконец. — Он не знал.

Егор не стал давить дальше, только кивнул и двинулся дальше. Они пошли вдоль тропинки в свете фонариков — сначала мимо поваленного дерева с потухшим старым кострищем, потом дальше.

— Здесь, — сказал сотрудник, присев на корточки у края тропы, направляя луч фонарика на землю. — Смотрите.

На влажной земле, среди опавших листьев, был отчётливо виден след — размытый и скользящий, как будто чья-то нога поскользнулась на мокрой листве и сорвалась вниз, к самому краю обрыва. Трава там была примята, ветка ближайшего куста надломлена и свисала неестественно, будто за неё хватались.

Аня почувствовала, как у неё подкосились ноги, и Максим машинально поддержал сестру под локоть.

— Похоже, кто-то поскользнулся здесь, — сказал Егор, присаживаясь рядом со следом, вглядываясь в размытые очертания при свете фонарика.

Чуть дальше, в кустах у самой тропинки, сотрудник нашёл целлофановый пакет с бутербродом, размокшим от дождя.

— Вы думаете это Витя? — прошептала Аня и зажала рот рукой.

Егор аккуратно взял пакет за край, осмотрел, положил в отдельный пластиковый мешок.

Когда они спустились к берегу, где на мокрой земле темнел размытый след, Егор ещё раз посветил фонариком вдоль обрыва, потом убрал луч, повернулся к Ане и Максиму.

— Дальше мы идём без вас, — сказал он тихо. — Вы идите домой. В темноте здесь делать нечего, только мешать под ногами будете, да и натопчете больше. К тому же вдруг он уже дома сидит, ждёт вас, а вы тут по куст

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.